Tabula rasa

Авалон - 2

Вера Петровна Космолинская

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История Прекрасного Принца из звездного королевства Великой Веги.

- Гарольд Бранд
  - ◯
- notes
  - ◯ 1

Гарольд Бранд
(В. П. Космолинская)
Tabula rasa

Часть 1

«Красив», — подумал я, проходя мимо огромного зеркала. Но что-то было не так. Может, то, как отрешенно и холодно-пусты были глаза, отразившиеся в зеркале? Какая-то внутренняя неподвижность, будто в ожившей статуе, или вялость промелькнувшей мысли, или…

Нет! Я сбился… с шага. Я остановился, а на лбу легкой вялой волной выступила испарина. Не так было то, что я вообще о чем-то подумал!

Но о чем? Что? Нет… Не то. Не помню… Нет, помню… Нет…

Душное облачко сомнения, невесть откуда взявшееся на ясном — всегда ясном — небе, промчалось и унеслось прочь. Все вернулось на круги своя. Я продолжил путь. Но что-то уже зрело во мне. Что-то опасное. Мне оставались считанные часы покоя.

Веранда была залита ярким светом. Солнце золотило привычные предметы и волшебный танец пылинок, напоминавший… что-то далекое, щемящее, переносящее куда-то… в детство? Пришедшее на ум слово показалось чем-то чужеродным, ошарашивающе нелепым. Мой слух с каким-то изумлением отметил звон — у меня в руке был высокий бокал, запотевший, наполненный сияющей золотистой жидкостью, так походившей на это солнце. Он был холоден, в отличие от солнца — в нем теснились, позвякивая, кубики льда. «Они медленно тают, — подумал я. — Медленно тают.» Только не сейчас! — ударило откуда-то из темной глубины мозга, с отчаянной мольбой, изумившей меня самого и сбившей с толку. Но круги на воде пропали. Гладь снова стала зеркальной.

Я протягивал ей бокал, смутно и бесстрастно чувствуя ледяной холод в пальцах. Она смотрела на меня, улыбаясь. Ее улыбка не рождала никаких чувств… Я ошибся. Там был червячок страха. Эта женщина была одной из тех, кто создал меня… таким, каков я есть.

А это было скверно. Теперь… вдруг… я это знал…

Часть 2

Самую неприступную крепость можно взять. С помощью предательства. От этого зла нет защиты, кроме ненависти, рождаемой знанием, что все на свете хрупко и может быть разрушено чьей-то недоброй волей. Предательство слишком просто, и именно поэтому его так ненавидят и, если могут, карают особенно жестоко. Ведь другой настоящей защиты от него нет.

Проклятье павших, и месть уцелевших. Против всех благ, которые можно взять готовенькими, быстро, не тратя на них свою жизнь — достаточно пресечь несколько чужих. И снять урожай. Собрать воедино то, что могло быть не собрано столетиями. Собрать в своих руках, владеть тем, что нельзя создать за одну жизнь, идя шаг за шагом, сконцентрировать силу и власть. Что против этого проклятье павших?

А уцелевших может и не быть.

Ведь и я, строго говоря, не уцелевший…

Часть 3

Великолепное, древнее звездное королевство. Небеса которого усыпаны не только звездами; бесчисленные орбитальные и курсирующие станции, бессчетно снующие корабли, неисчислимые богатства пятидесяти четырех планет и множества астероидов, перемещаемые от одного пункта к другому, как сама жизнь, несомая кровью по нашим жилам.

Бесконечный величественный фейерверк. И, конечно же, власть, которую он мог подарить, переоценить почти невозможно. Власть, что принадлежала безраздельно нам — Фейербластам, старинной династии, правившей когда-то, несколько столетий назад, парой крупнейших планет в системе Веги, теперь же королевство охватывало уже всю систему, и занимало немалые территории и в соседних.

Не теперь. Когда-то. С тех пор изменилось многое… А тогда…

Большинство этих пространств не было завоевано. Великая Вега была процветающим королевством. Экономическим раем, благодаря… возможно, это хвастовство — приходу к власти династии Фейербластов, некогда просто успешных промышленников, и в то же время политиков и философов. Да, наверное, бывают общественные системы лучше. Но весьма многие стремились присоединиться к Веге, вдохновленные самим ее успехом, получить защиту от иных, более агрессивных соседей.

Не знаю, сколько в этой легенде правды, а сколько приятной розовой сказки, но Вега, которую я знал, заслуживала названия Великой.

А потом случилось то, что случилось. Стоит ли слишком вдаваться в подробности?

Часть 4

— Хороший песик, — промурлыкала она из глубины своего шезлонга. — О боже, говорят, со временем все приедается, но до чего же приятно, когда есть что-то живое, всегда напоминающее тебе о твоем триумфе! — Она музыкально рассмеялась, забирая из моих пальцев запотевший высокий стакан. — И до чего же приятно говорить об этом с тобой, зная, что ты все равно ничего не помнишь, и ничего не понимаешь!

Да, это верно, в ее глазах плясало игривое наслаждение, почти ласкающее, почти любимое…

Я ведь любил ее когда-то. Поэтому мой мир и рухнул.

Ну, и к чему бы это, а? То, что я теперь это помню?

Думаю, к смерти.

Ведь ко мне стала возвращаться способность думать.

Она прикрыла глаза полями легкой кружевной шляпки и что-то тихо мурлыкала себе под нос. Мелодию, одновременно легкомысленную и загадочную. Мелодию, под которую когда-то мы танцевали…

Часть 5

— Ты ведь даже не знаешь, кто я, — прошептала она, когда мы кружились в вальсе в Зале Парящих Колонн. Конечно, колонны вовсе не парили, это всего лишь название — парили танцующие. Сложная система гравитационных полей позволяла и парить по воздуху, и скользить по стенам, колоннам, и даже по потолку. Не спрашивайте меня, как это выходило. Спросите лучше наших инженеров.

Кто она? Разве это не очевидно? Одна из не самых богатых наследниц, но зато одной из самых звучных фамилий Веги. Прекрасная как смертный грех, немного смущенная, умная… и — кто может объяснить, чего именно бывает достаточно для того, чтобы мужчина потерял голову? Разве это можно объяснить словами? Неуловимые и неповторимые оттенки движений, взглядов, слов, мысли… которые, как нам кажется, мы угадываем,

и которые, сливаясь с нашими собственными начинают звучать небесной музыкой, завораживающей и заколдовывающей…

— Мне все равно, — ответил я. — Какая разница? Сегодня такой прекрасный вечер.

— Прекрасный вечер, — повторила она. — А ты — прекрасный принц?..

Я засмеялся, покачав головой.

— Поверь мне, этот титул я слышал много раз!

И она негромко рассмеялась в ответ. А вокруг рассыпались звезды и вихрились туманности, порожденные укрощенным светом…

— Я люблю тебя, — сказал я.

— Что ты знаешь обо мне? — снова спросила она чуть грустно. — Только мое имя. Ведь я — никто.

— Лорелей, — сказал я. — Это волшебное имя.

— Бард, — произнесла оно мое имя в ответ. — Боже, мне кажется, я от тебя без ума.

— А я — от тебя, о Прекрасная Дама Без Пощады! — сказал я смеясь.

Она вздрогнула, прежде чем натянуто улыбнуться.

— Ты действительно так обо мне думаешь?

— Конечно. Кажется, это так романтично.

Последовавший за этим поцелуй был так долог и нежен, как рассеянная яркими блестками тьма.

— Расскажи мне, каково это — быть принцем? — шепнула она мне через некоторое время. — Пожалуйста…

Да… Это был волшебный вечер…

Часть 6

Лучше не помнить ничего, чем помнить это!.. Я застыл, согнувшись над сверкающей белизной и хромом раковиной. Счастье, что в ванной комнате никого не было, и никто за мной не следил — зачем следить за заводной игрушкой?! Что она может сделать? Ни шага в сторону! Верно?!!

Меня жестоко вывернуло… когда вдруг неведомым кошмарным спазмом вывернуло мою память…

Кровь и гарь…

Это были мои родные — отец и мать, мои сестры, братья — и их дети… Мои друзья и верные нам люди. Все, кто не предал нас — погибли.

Остался только я — я был им нужен. Всей Вселенной было ясно, что происходит между мной и Лорелей, как и то, что вряд

ли семья позволит мне пойти на мезальянс и жениться на ней, как бы мне этого ни хотелось.

Но теперь, пожалуй, что я мог бы… Если бы пожелал…

Если бы…

Кем бы должен был я быть, чтобы по-прежнему желать этого среди всей этой бойни?!

Рваная рана в моем боку не была смертельной, хотя и причиняла жгучую боль и совершенно лишила меня сил, как и прочие мои раны, но их я почти не замечал, и думал, что доконает меня именно эта, если никто не добьет меня раньше. Тогда я еще не знал, что мне предстояло выжить.

Если только это можно так назвать.

Нас перестреляла наша собственная охрана. Насколько я их знал, они были профессионалами, а значит, взявшись за дело, должны были довести его до конца. Вот я и ждал, когда меня прикончат, даже не пытаясь притворяться мертвым.

— Как вы себя чувствуете, принц? — участливо спросил начальник стражи, остановившись рядом.

— Стреляй, и катись к дьяволу! — хрипло сказал я.

Я плохо его видел — в глазах у меня мутилось, а свет сотен ламп был беспощаден — будто врезающиеся в мозг клинки, в то же время не столь уж разгоняющие подступающую тьму… Моя правая рука накрывала мертвую, уже стынущую руку отца. Ворох окровавленного платья скрывал лицо моей младшей сестры, совсем рядом со мной. Опрокинутый стол скрывал от меня тела матери и брата, тут же были и другие, но я уже не мог думать — кто и где именно… Мое сердце рвала пронзительная боль, которую лишь немного заглушала мысль, что я расстался с ними со всеми ненадолго — сейчас я к ним присоединюсь. Сейчас…

— Нет, — он мягко, с едва сдерживаемой улыбкой покачал головой и осторожно опустился рядом со мной на колени, не отводя от меня опаленного дула своего бластера, которое — тогда я этого и не понял, было направлено мне в правое плечо, вовсе не в сердце, или в голову. — Вам не следовало загораживать его собой, — он кивнул на тело моего отца. — Тогда вы пострадали бы меньше, только для вида. Но я рад, что вы живы, принц… О, нет! — он тихонько рассмеялся и, насмешливо, раздельно произнес: — Король умер — да здравствует король! Король Бард Четвертый Фейербласт! — он взял меня за руку, оторвав ее от руки моего отца, поднес к своим кривящимся в усмешке губам, и поцеловал. Я был одновременно слишком потрясен, и слишком слаб, чтобы помешать ему. На его губах осталась кровь. Серые, отливающие сталью, глаза, смеялись, и они тоже показались мне красными — отражающими

всю пролитую им кровь. Мне было наплевать, хотят они оставить меня в живых, или нет. Последний взрыв ярости заставил меня резко приподняться и, не обращая внимания на боль и на направленный на меня бластер, я с силой ударил его по лицу, смазывая кровь.

— Будь ты проклят! — рявкнул я. Он отпрянул на долю мгновения, и я резким движением запястья раскрыл свой кинжальный браслет на левой руке и выскочившим из него лезвием нанес ему удар в горло. Его кровь брызнула на меня, но цели я не достиг — он вскочил на ноги, грязно ругаясь, и зажимая ладонью порез. Что ж, трудно было ждать точности — я никогда не был левшой, а моя правая рука давно была выведена из строя.

Дуло его бластера скакнуло к моим глазам.

— Проклятье! Не смей стрелять!!! — взревел кто-то со стороны, и бывший начальник королевской стражи, снова выругавшись, опустил оружие и, отбросив пинком мою руку с лезвием, со звериной силой пнул меня затем в раненый бок. Не единожды — но почувствовал я только первый удар… боль словно окатила меня жидким пламенем. Второй я только механически отметил, проваливаясь в бешено вращающийся круговорот тьмы, а третий настиг меня, когда, собственно, я был уже без сознания — это был просто легкий всплеск забытья, прежде чем исчезло абсолютно все…

Все… я никогда больше не увидел своих близких, нашедших свой последний приют в саркофагах среди звезд. И моя жизнь мне больше не принадлежала.

Я чего-то ждал. Между сном и явью. Между небом и землей.

Слишком много тьмы…

А потом было слишком много света, бьющего в глаза и проникающего в самые глубокие уголки сознания.

Отзвуки нежной музыки звучали в моих ушах перед самым моим пробуждением, и Лорелей кружилась в танце, окутанная игрой света и тени, а глаза ее сияли как звезды. Мы мчались на звездном катере сквозь розовые туманности, или над поверхностью золотого моря, усыпанного блестками, над цветущими садами и полями лавандового цвета… Наши поцелуи сливались с сиреневыми прохладными закатами и пламенем восходов… Ее лицо было как небо — и далеко, и близко, неуловимо и загадочно… Сон превратился в воспоминания — сладкие и воздушные, теплые и прекрасные. Воспоминания о той, кого я так любил. И все еще не потерял…

Не потерял! И тут, наплывом боли, в меня хлынула и другая

память!..

Зал был залит ярким светом, играющим в фарфоре и серебре, и гранях хрустальных кубков, играла музыка, сновали с подносами слуги, мы шутили и смеялись. Это был день рождения моей сестры Артамис, и по этому поводу сегодня собралось все семейство.

Артамис сидела по правую руку от отца, и слева от меня, в тканом золотом платье с высоким кружевным воротником, с бриллиантовой диадемой на светлых волосах, уложенных в сложную прическу из хитроумно переплетенных кос. А ее веселые зеленые глаза и милая улыбка затмевали всю роскошь дворцового пира. Кажется, никогда еще я не видел ее такой веселой. Сегодня ей исполнялось пятнадцать — полусовершеннолетие, как говорят на Веге, и самый прекрасный возраст в жизни.

Артамис нетерпеливо толкнула меня локтем. Собственно, этот вечер в ее честь хоть и занимал ее, но явно всего лишь наполовину. Увлеченно глядя на кого-то из наших кузенов, она громко зашептала:

— Бард! Моя последняя картина!.. — Артамис увлекалась голографической живописью чуть ли не с тех пор, как выбралась из колыбели. — Тебе она действительно понравилась, или ты просто не хочешь меня огорчать?!

— Конечно, понравилась! Очень! — ответил я со всей убедительностью, хотя эта убедительность уже подрастеряла порох за двадцатый раз повторения одного и того же. К тому же, боюсь, у Артамис и впрямь были основания сомневаться в моей искренности, так как я находил ее картины слегка наивными, что в то же время казалось мне совершенно естественным при ее молодости, от которой меня самого отделяли уже добрых восемь лет. Артамис же мое мнение всегда чрезвычайно волновало, хотя я толком ничего не понимал в живописи, кроме двух параметров: нравится — не нравится. Сам я увлекался лишь стихосложением, да и то только под настроение, но и этого хватило, чтобы произвести еще в младенчестве на Артамис неизгладимое впечатление, в связи с которым она решила возложить на меня роль арбитра всех искусств. Эта ее уверенность в том, что ее замечательный старший брат понимает все и во всем, порой нагоняла на меня панику. Но в то же время это было чертовски приятно, и я старался относиться к делу со всей ответственностью и осторожностью.

Последняя картина Артамис была завершена лишь сегодня и, надо признаться, действительно была чрезвычайно эффектной, хотя и заставила меня улыбнуться при взгляде на героев ее сюжета на переднем плане. На фоне бархатного космического

пространства, заполненного небесными телами, спокойно мерцающими, или взрывающимися, сражались дьявол и ангел. На переднем плане, с сияющим мечом в руке парила сама Артамис — в золотых доспехах, с белоснежными, чуть колышущимися крыльями за спиной (обычно при классической статичности основных образов Артамис любила наделять подвижностью второстепенные мелкие детали, которые частенько сразу и не разглядишь) и нимбом золотых волос, собранных сзади в лихой хвост. Кончик ее меча упирался в горло поверженного рогатого дьявола — поверженного не потому, что в космосе так уж понятно, где верх, где низ, а просто потому, что его исполненная ужаса поза, не оставляла в этом никаких сомнений, огненные глаза его закатились, конечности были скрючены, черный зазубренный меч выпал из когтей, блуждая теперь сам по себе. На лице ангела было написано веселое, озорное торжество. Если присмотреться, то обе фигуры становились полупрозрачными, и каждая из них представляла собой особую вселенную — и ангел, и демон были скопищем звезд и вращающихся вокруг них планет. Но «вселенная ангела» была спокойна и «светла», если это слово может подойти космосу, тогда как во «вселенной демона» было слишком много темных, неуловимо подвижных клякс, взрывающихся звезд, планет, «вращающихся» дикими скачками, да и все это казалось тускло светящимся сквозь огромное пылевое облако.

— Недурно… — протянул я, разглядывая картину, и чуть рассмеялся. — Не скажу, чтобы твое творчество отличалось особой скромностью, сестренка, но исполнение на редкость красиво и впечатляюще. И воодушевляюще, надо сказать… Поздравляю — твоя техника совершенствуется такими темпами, что того и гляди скоро стукнется в потолок!

Артамис довольно рассмеялась вместе со мной.

— Ты еще не видел главного! — сказала она. — Эта картина — метаморф. Нажми на эту планету в правом углу.

Я нажал, но сперва не заметил в картине особенных изменений, пока Артамис не рассмеялась, заметив:

— Ты смотришь на все, кроме ангела перед самым твоим носом.

Я глянул и сказал:

— О, господи!..

Почти все осталось на месте, кроме того, что теперь ангелом был я. И выглядел при этом, по-моему, на редкость глупо… Ну, не идут мне перламутрово переливающиеся белые крылышки, честное слово!..

— О, нет… — сказал я, и снова нажал на кнопку, возвращая в

ангелы Артамис. — Так лучше.

— Почему? — чуть разочарованно протянула Артамис. — Я так хотела сделать тебе приятное…

— Мне приятно, очень… правда, — заверил я. — Но такой вариант мне нравится гораздо больше. Ты куда больше годишься на роль Ангела, чем я, Артамис.

— Не знаю, — сказала она, морща в улыбке свой чуть вздернутый носик. — А мне нравишься ты. Тебя я закончила еще вчера, и потом весь вечер просидела, глядя на картину. И знаешь, мне было так спокойно, как будто действительно есть где-то ангел, похожий на тебя, который всегда готов защитить меня от всего плохого, что есть в жизни. И быть может, когда-нибудь именно он унесет меня к звездам… Что плохого в том, если твой ангел-хранитель похож на твоего старшего брата? А, Бард? — она с улыбкой заглянула мне в глаза.

Я с ответной улыбкой покачал головой.

— Лучше никому это не показывай. Мне бы больше понравилось быть скорее бесом — и при этом, хранителем ангела.

— Не пойдет, — сказала она, в то же время хихикнув в ответ на шутку. — Я хочу быть похожей на тебя — такого, каким ты мне представляешься.

— Даже если на самом деле я не такой?

— Конечно. Это ведь только отражение желаний, — спокойно сказала Артамис. — Ты ведь не думаешь, что я похожа на ангела.

Я промычал что-то невразумительное, глядя на картину.

— По-моему, картина тебе не понравилась, — проворчала Артамис, чуть надувшись.

— Нет, что ты. Я вовсе этого не сказал. Картина отличная… Но что, если хотя бы крылья мне сделать черные, а?

— Не пойдет, — сказала Артамис.

— Жалко, — сказал я.

— Моя картина — что хочу, то и делаю, — упрямо заметила Артамис. — Ничего — привыкнешь…

— Угу… — отчего-то мне стало тоскливо. Было как-то одиноко в этом пространстве, несмотря на белые крылья… — Для чего тебе вообще нужен ангел-хранитель? — спросил я, глядя на картину. — Этот дьявол — существует?

— Конечно, — сказала Артамис, хмурясь. — Все мои страхи и предчувствия… В конце концов, даже принцессы умирают. — Она задумчиво посмотрела на ангела с ее собственным лицом. — И хочется хотя бы в картине дать кому-то сдачи. Или надеяться на то, что это сделает кто-то другой…

— А по-моему, тебе не понравилось, — упрямо повторила

Артамис.

— Чепуха, — сказал я, и поднялся из-за стола. Подобные мои нарушения этикета давно уже никого не беспокоили. Кроме того, что многие заранее с легким любопытством уставились на старинный и элегантный старомодный сенсорояль у одной из стен. Артамис весело запищала и захлопала в ладоши. Вообще-то, я не считаю себя выдающимся композитором, но иногда, под настроение, мне удаются неплохие импровизации. По крайней мере, мне достаточно того, что Артамис они нравятся.

Я сел за рояль и хитро посмотрел на сестру.

— Итак, назовем это «Ангел», — сказал я. — Посвящается Артамис. — Я включил все динамики в зале, и заиграл нечто одновременно нежное и бравурное. Но перед глазами у меня все время вставал другой образ, невольно сбивая тему, чего, впрочем, никто не заметил… Образ Лорелей, чуть агрессивной и смертельно притягательной…

— Сегодня у тебя получилось просто чудесно, — сказала Артамис, когда я вернулся за стол.

— Не говори так, иначе я подумаю, что это была лебединая песнь, — пошутил я.

И тут за дверями раздался шум…

Лицо Лорелей соткалось из тумана.

— Бард! — тихо прошептала она. — С возвращением.

Кажется, я взвыл…

Часть 7

— Как ты попала сюда?! — спросил я. — Как?! Ты знаешь, как все случилось? Тебе тоже грозит опасность…

Она покачала головой.

— Нет. Не грозит. А вот тебе — да. Но все еще может быть прекрасно, Бард. Теперь ты король по праву. А я могу стать твоей королевой. Могу вечно любить тебя. Ты можешь еще быть счастлив. Очень счастлив. Скажи только — да.

О, эта улыбка… И эти чудные, искристые глаза змеи, при взгляде на птицу, которая не может и шевельнуться. Только удерживал меня не страх или гипноз, ни даже гнев или ярость. Я заметил еще раньше, что попросту привязан к больничной кровати мягкими, но прочными жгутами. Объяснить это можно было двояко — как чисто медицинскую предосторожность, или… полно, я же отлично знал, для чего это все. Я все отлично помнил, и отлично все понимал — теперь, больше чем когда бы то ни

было…

Я покачал головой.

— Исчезни, — сказал я и закрыл глаза.

Она мягко и нежно поцеловала меня в лоб.

— Я приду к тебе позже, — пообещала она. — Тебе еще нужно ко всему этому привыкнуть. Но поверь мне — лучше тебе согласиться. Иначе — тебе еще есть что терять, любимый.

— Больше нет, — сказал я тихо.

— У тебя еще остался ты сам, — напомнила Лорелей.

Часть 8

Конечно, я так и не сказал им — да.

Часть 9

Как обычно — прекрасное утро. Свежий ветер врывался в окна весло и беззаботно, ероша мои волосы. Я поднял голову и бессмысленно огляделся — я лежал на полу, скорчившись на великолепном пушистом ковре, еще со вчерашнего дня полностью одетый, разве что успевший расстегнуть воротник и развязать галстук, в смятой и перекрученной одежде, будто после хорошей пьянки.

Господи, какая жуткая ночь…

Кто бы знал, что вспоминать — это так больно.

Но достаточно. Теперь я помнил все — достаточно для того, чтобы сделать теперь больно кому-то другому.

Я поднялся, чуть пошатываясь, и начал тщательно приводить себя в порядок — никто из них не должен заподозрить, что я снова научился видеть кошмары.

— Милый, — сказала Лорелей с металлическими нотками в голосе, — тебе все равно придется нам подчиниться. В здравом уме и твердой памяти, или нет. Это уже неважно. Хотя, пожалуй, играть свою роль ты сможешь гораздо хуже, зато проблем с тобой станет куда меньше. — Она презрительно щелкнула пальцами. — Ты станешь игрушкой, идиотом, твое сознание будет просто белым листом бумаги — чистой доской[1], на которой мы напишем все, что нам будет угодно. По сути, ты вынуждаешь нас совершить еще одно убийство — твоего сознания. И знаешь, милый, не такой уж это безболезненный процесс, к тому же и в становлении твоей новой личности нам понадобится элемент

дрессировки — на самом примитивном уровне. Ну, так как?

— Дорогая, — сказал я, с ничуть не меньшим презрением, чем она, тем же ледяным тоном, — воспитание не позволяет мне плюнуть в лицо женщине по-настоящему, но считай, что я это сделал. Ты ведь прекрасно знаешь, что при малейшей возможности я постараюсь свернуть тебе шею. Так что, давай не будем играть в кошки-мышки. И не ищи себе оправданий. Катись к черту.

Лорелей залепила мне пощечину. Она все еще была склонна актерствовать. Глаза ее сверкали почти праведным гневом.

— Ты сам во всем виноват! — воскликнула она. Бог ты мой, неужели она действительно все еще искала себе оправданий?

— А что, ты ждала, что я испугаюсь? — спросил я. — Ну уж нет, не дождешься.

— Ты испугаешься, — пообещала она. — Ты будешь очень меня бояться. Но тогда будет уже поздно что-то менять.

— Что ж, — сказал я сухо. — Поздравляю с новым предметом мебели. Мне все равно. Мы оба знаем, что сознательно я буду стремиться только к тому, чтобы уничтожить тебя.

— Отлично, — сказала Лорелей после короткой паузы. — Тогда приступим. А все странности в твоем поведении легко будет списать на последствия стресса и ранений. В конце концов, все государства Вселенной в курсе, что сейчас ты практически при смерти. А это может изменить кого угодно.

Она последний раз заглянула мне в глаза. О, этот взгляд… Неужели лишь у чудовищ может быть такой взгляд? Почему? Почему ей понадобилось становиться чудовищем? А если бы она не лгала мне — полюбил бы я ее? Если бы не чувствовал смертоносной притягательности ее сути под кажущимся блеском? Если бы она не манила к себе, как бездонная пропасть — бездонная пропасть в ее глазах?

— Я думала, ты любил меня больше, Бард, — негромко сказала она, голосом, то ли мертвым, то ли мертвящим.

— Я любил тебя смертельно, — ответил я так же тихо. — Так же, как теперь ненавижу.

Она медленно кивнула, приблизилась, и, нагнувшись, поцеловала меня в губы — страстно, настойчиво, нежно… Боги, как мне хотелось ей ответить… Но я не ответил.

— Прощай, Бард, — сказала она.

Часть 10

— Доброе утро, любимый! — воскликнула она, бросаясь мне

на шею. Да, так она делала на людях всякий раз. Я слегка вздрогнул от ее прикосновения, будто меня ударило током. Ну, в конце концов, когда-то так оно и было… И примерно так случалось каждый раз, так что уже вошло в привычку. Она ничего не заподозрила и, как обычно, взяв меня за руку, ввела в тронный зал.

Зал выглядел пустовато. Единственно, чего здесь хватало с избытком, так это света и воздуха. Я обвел его рассеянным взглядом. Ага, а вот и вся эта милая компания за троном… разве что начальник стражи теперь другой — теперь им был брат Лорелей — Виктор, а прежний — мне смутно припомнилось — был расстрелян за то, что так плохо справился с той давешней ситуацией, как козел отпущения. Пожалуй, в этом была своя ирония судьбы. И случилось это уже давно. Хотя, не так уж давно. Прошло «всего» три года с тех пор. Ровно столько, чтобы все могло успокоиться, все могло забыться.

Самые жуткие истории бесследно поглощаются бесконечным пространством.

Обнаружив внезапно, что весь дрожу от гнева, я с трудом взял себя в руки.

Под звуки фанфар к нам приблизилось посольство Денеба.

Боже, что за игра?!

К чему вся эта пышность? Напыщенные этикеты и правила?! Ах да, помню — все это лишь для того, чтобы завуалировать пустое место — то есть, меня. Или, что еще любопытнее, завуалировать тот факт, что кто либо из королей Веги вовсе не пустое место… Как бы оно ни было, все должно быть по правилам, как по нотам. И любой на моем месте должен был бы отказаться от слишком многого, если не от своей личности. Может быть, я никогда этого не хотел… Боже, остановись! — приказал я самому себе. О чем я думаю?! Это все не имеет значения. Настоящий лик тьмы мне известен. И прописные истины тут ни при чем. Они существуют лишь для того, чтобы прикрыть другие истины — частные и неприглядные, в каждом конкретном случае.

А Лорелей и впрямь ловко удавалось отвечать отказом на все претензии и требования денебцев, при моем полнейшем попустительстве…

Часть 11

Послы удалились в гневе. Но не все были столь недовольны…

Я старался обдумать грядущее, каждый свой шаг. В этом

мире, в этом дворце не осталось ни одного честного человека. Исправить все это? Исправить все?

Невозможно.

И не нужно.

Я посмотрел на Лорелей, и по ее глазам понял, что она придет ко мне сегодня. Это трудно было назвать любовью, но что-то от этого слова между нами все еще было.

Просто, она не умела любить иначе.

Я пропускал ее волосы, как черные струи, меж своих пальцев, как темные нити времени и судеб.

— Если бы ты знал, Бард, — сонно пробормотала она. — Если бы ты знал, что я до сих пор люблю тебя. Быть может, именно потому, что когда-то ты смог раздавить эту любовь, и вместе с ней самого себя. Но если бы ты мог понять это, тебя бы со мной сейчас не было. Или меня с тобой.

Мы помолчали.

— Знаю, любовь моя, — сказал я полунасмешливо, полусерьезно.

Сперва она не поняла, а потом застыла… Один взгляд, один миг понимания, один миг ужаса…

Но больше она ничего не могла сказать. Мягко и ласково, и очень быстро, я свернул ее точеную шею.

Уходи в небытие, Лорелей, в мир настоящего чистого листа… Tabula rasa. Только там нет места для памяти, и для ненависти.

Я вышел из комнаты не таясь. Меня словно бы не было. Для посвященных — я не был человеком, и не мог быть опасен. Свернув несколько раз в коридорах, я отыскал неприметную дверь, за ней был еще коридор, несколько потайных дверей, лестница, никаких лифтов, никаких обычных механизмов, что могли бы одним своим пробуждением привлечь внимание.

Наконец я оказался в самом низу, где, как черный паук в глубине сознания, притаилось устройство, о существовании которого знали лишь члены королевской семьи. Лорелей могла бы узнать о нем, если бы спросила меня, но она не знала, о чем спрашивать.

Все очень просто, нужно было лишь сказать вслух пароль — время от времени он менялся, последний раз он изменился в тот самый день… «Артамис» — произнес я имя сестры. И черный паук ожил, загоревшись сотней зловеще алых и золотистых глазок. Восемь рычагов по кругу усеянной огнями сферы были подняты. Я обошел вокруг, один за другим опустив их все, не задержавшись ни на мгновение перед тем, как опустить последний.

«Один час», — сказал я, и пошел прочь, а черный паук за

моей спиной тихонько удовлетворенно урчал и пощелкивал, проникая во все дворцовые системы. Он явно был рад тому, что я дал ему приказ сделать то, для чего он был создан. Ровно через час все выходы, все окна дворца, все вентиляционные и прочие шахты будут заблокированы, а потом он взорвется. Вместе со всеми, кто здесь обитает. Час мне нужен был лишь затем, чтобы уйти отсюда.

Я вспомнил, что меня разбудило. Картина Артамис, перевезенная в тот загородный дом. Лорелей посчитала хорошей шуткой сохранить ее, причем в том варианте, где был изображен я. В тот раз картина попалась мне на глаза, а потом я увидел зеркало… Артамис… Я помнил, что она сказала мне в тот день. «… есть где-то ангел, похожий на тебя, который всегда готов защитить меня от всего плохого, что есть в жизни. И быть может, когда-нибудь именно он унесет меня к звездам…» Я не мог защитить тебя. Но я унесу тебя к звездам.

Маленький корабль, столь же годный к перелетам в атмосфере, как и к полетам в космическом пространстве, быстро доставил меня к вилле. Вся электроника приняла меня за своего… Логично, верно?

Я вынес картину, отнес ее в корабль, поставил перед собою, глядя на собственное изображение. Я был прав тогда — мои крылья должны быть черными. Я осторожно открыл палитру, и поменял на картине их цвет — черные, с отблесками адского пламени, и меч, полыхающий кровавым огнем, затем быстро переключил план.

— Артамис, здравствуй, ты все такая же…

Я поднял корабль. Знаю, все это мне лишь представилось — что я слышал гром, с которым стоявший веками дворец королей Веги рассыпался в раскаленный и быстро стынущий прах.

Все это прах.

Я уносил Артамис к звездам.

Мы оба останемся там.

Часть 12

Вечная звездная ночь. Конец и начало. Небытие. Холодная безграничность. Пусть это иллюзия. Вот они — звезды. И мой корабль — как маленькая звезда. Он вспыхнет ярче, на мгновение, чтобы погаснуть, как всякая звезда, как всякая человеческая жизнь. Всего лишь разными единицами для нас отсчитывается время.

Я долго смотрел на картину, на улыбающееся детское лицо

ангела, прежде чем дать кораблю единственный приказ — стереть нас из пространства и времени.

Нашему королевству остается начать все заново, с чистого листа. Новый шанс, новая жизнь.

Прежнюю мы стерли. Лорелей, и я. Остается только последний штрих.

Я долго смотрел на Артамис, а потом убрал руку с кнопки, так ее и не нажав. С чистого листа? В этом мире не бывает совершенно чистых листов, не так давно я сам это доказал.

И значит, имело не так уж много значения, насколько они не чисты. Но все-таки, новый шанс у нас был. Начать все с иного начала, с иной строки, с иного имени… с будто бы чистого листа… С новых звезд.

Ангел Артамис уносила меня к звездам.

04.11.2001

notes

Примечания

1

Чистая доска (tabula rasa) — понятие, введенное Аристотелем, в связи с представлением, что сознание младенца есть чистая доска, на которой свои письмена пишет затем жизнь.